

· ПЕТРОРОМАН ·

· ИРИНА ПОТАНИНА ·

ДАДНИКУ
САБУРОВОЇ ДАЧІ

ХАРЬКОВ
ФОЛІО
2020

УЛИЦА УНИВЕРСИТЕТСКАЯ, ФОТО 1942 ГОДА

Глава 1 СЛЕД НЕМЕЦКОГО САПОГА

— Не смотри! — шикнула Ларочка и ринулась вперед, резко выпрямив спину. Маленькая, тонкая, стремительная — она хотела выглядеть уверенной и гордой, но несмотря на строгую косынку и недавно где-то раздобытый новый плащ больше всего походила на деловитого воробья. Ведро воды, которое она тащила, вцепившись обеими ладонями в деревяшку ручки, казалось на фоне Ларочки громадным. Женька — даром что младший брат — нес два точно таких же, но в его руках они смотрелись нормально.

Брат с сестрой как раз начинали нелегкий путь домой от колодца на Журавлевке. Женька ускорился следом за Ларочкой, но, разумеется, не выдержал и обернулся туда, куда было сказано не смотреть. У обожженного клена, картинно облокотившись спи-

ной на безжизненный ствол, стояла укутанная тысячу разноцветных тряпок странная женщина. Одной рукой она сжимала закрывающий лицо веер, другой — поправляла резинку на чулке, как бы невзначай обнажив ослепительно белое бедро.

— Кто это? — стараясь скрыть волнение, прошептал Женька.

— *Повія!* — Несмотря на все пережитое, Ларочка так и не научилась употреблять грубые слова. Зато презрения в ее интонации было более чем достаточно. — Немцев за деньги по публичным домам развлекать больше не требуется, так они на улицах к красноармейцам цепляться вздумали! В центре истребительные батальоны их гоняют, а тут — сам видишь.

Женька таких тонкостей городской жизни еще не знал, потому что вернулся в Харьков всего два дня назад. До войны подобные гражданки в городе не водились (Женьке в 41-м уже целых четырнадцать лет было, если б водились, запомнил бы обязательно!), во время эвакуации в детдоме ни о чем таком никто слыхом не слыхивал, а потом, когда в марте Женька с сестрой перебрался в освобожденный Харьков и попал прямиком под фашистов, пришлось спешно ретироваться в село к родичам. Там, конечно, бывало всякое. Но в яркие тряпки якшающиеся с немчурой селянки не рядились и веерами отродясь не обмахивались. Когда односельчане плюют тебе вслед, а окрестная пацанва закидывает камнями, голые ноги особо не продемонстрируешь. Даже когда немецкий офицер застрелил тетю Клаву за то, что назвала «немецкой подстилкой» приехавшую с ним харьковчанку, селяне продолжили,

как это называлось, «учить бойкотом бесстыжих немецких овчарок». А горожане, видать, давали слабину, раз тут подобные личности чувствовали себя вольготно. И ведь надо же — такая черная душа и такие белые ноги... Женька невольно потер локтем карман, в котором хранил личные сбережения.

— Даже не думай! — рассекретила брата Ларочка. — Если мать не убьет, то от какой-нибудь стыдной болезни помрешь сразу! Совсем, смотрю, распустился ты там у бабушки Зои...

— Понял. Не думаю, не смотрю, — покладисто от-рапортовал Женька и тут же решил передохнуть, опустив оба ведра с водой на землю. Бросив взгляд из-под локтя, он увидел, как странная гражданка убрала веер. Под бантом попугайской шляпы оказалось красное, воспаленное лицо безумной старухи.

— Пойдем уже, горюшко луковое, — тихо позвала его сестра.

Вообще-то Женька старался Ларочке не перечить. Не от послушания, а чтобы не огорчать. Сестра, хоть и была старше всего на четыре года и в детстве братом почти не интересовалась, в самое сложное время сумела заменить в семье и мать, и отца. Когда Женька с Ларочкой остались одни в голодном, сотрясающемся от вражеских авианалетов Харькове, сестра проявила чудеса стойкости. Бабушка к тому времени уже несколько месяцев как умерла. Женькин папа Яков уже был на фронте. А тут и маму — знали ведь, что она врач, и притом хороший — тоже отправили на войну. Сестра не растерялась: ходила с Женькой по окрестным деревням на менку, чтобы хоть как-то прокормиться;

устроилась санитаркой в госпиталь, чтобы иметь право на эвакуацию. А когда дело дошло до отъезда, узнала, какие надо пороги обивать, чтобы добиться разрешения увезти брата с собой. В Нижнем Тагиле, правда, жить Женьке пришлось в детдоме, но Ларочка брата не забывала — навещала, подкармливала, подбадривала-расспрашивала... Один раз ей даже довелось спать на улице: вырвалась к Женьке после тяжелой смены в госпитале слишком поздно и вернулась в свое переполненное людьми и холодом общежитие уже после десяти. А после десяти — не пускали. Женька, кстати, на Ларочкиных визитах совсем не настаивал, ведь взрослый уже. На вопросы отмалчивался или отвечал, что живет хорошо — зачем зря сестре нервы портить. Но она и сама все понимала: всякую свободную минуту тратила на поход в детский дом, а с каждого куска хлеба откладывала немножко для брата.

— Так-с, — Ларочка вслед за Женькой поставила ведро на землю и остановилась, разминая кисти рук. — Мое самое нелюбимое место. Тут нужно решить — то ли в обход на гору идем, то ли по короткому пути, по лестнице. Но там ступенек двести, не меньше. Что выбираешь?

— Какой уж тут выбор? — скривился Женька. — Мое мнение ты знаешь — я сюда вообще не спускался бы. На площадь Дзержинского к общему крану и ближе, и интереснее. Не зря же про него в газетах пишут. Раз починили-запустили — надо пользоваться. К тому же запас у нас еще есть. Можно было вообще никуда не ходить — со дня на день дома воду дадут, и выйдет, что мы зря ходили.

Женька знал, что водопровод в Харькове восстановили меньше месяца назад и всего в нескольких местах. «Из 104-х довоенных скважин работоспособны только 5. К счастью, на заводе «Красный Октябрь» нашлись и необходимые для запуска системы 5 электромоторов» — писали в сентябрьской газете о начале восстановительных работ по подаче воды населению.

— На Дзержинского не хочу, — уже не в первый раз озвучила сестра. Зато, наконец, соизволила внятно объяснить свою позицию: — Не факт, что как раз как подойдет твоя очередь, воду не перекроют. Сам понимаешь, период ремонта — значит, перебои постоянные. Колодец надежнее. К тому же у колодца за водой на очередь минут сорок уходит, а на площади люди и по два с лишним часа стоят.

— Да ладно, — хитро подмигнул Женька. — В очереди постоишь — себя покажешь, на других помотришь. Верный способ с кем-то познакомиться!

Ларочка усмехнулась, отмахиваясь. Женька цитировал наставления мамы, которая в последнее время была озабочена устройством личной жизни «неоправданно одинокой для таких внешних данных и двадцати лет» дочери и частенько говорила глупости, над которыми Женька с Ларочкой украдкой посмеивались.

— А домой нам воду точно еще не скоро дадут, — продолжила серьезную тему сестра. — Указ есть специальный — приведите, мол, здания в порядок, тогда и воду получите. Подключать к водопроводу будут только тех, у кого внутри дома трубы исправны. А у нас в подвале сам знаешь, что делается: что ни труба, то сплошная ржавчина. И ремонтировать некому.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	5
След немецкого сапога	
Глава 2	23
Харьков, Харьков!	
Глава 3	47
Военный отдел Харьковского горкома	
Глава 4	60
Нова Україна	
Глава 5	87
Дедушка, его жена (і довкруги)	
Глава 6	114
Взрослые дети	
Глава 7	146
Истории Сабуровой дачи	
Глава 8	171
Соціалістична Харківщина	
Глава 9	198
Быт и битва с небытием	
Глава 10	229
Мания Жизели	
Глава 11	252
Последний подпольщик	

Глава 12	276
Госпром	
Глава 13	289
Время решительных действий	
Глава 14	312
Опять о непокое	
Глава 15	323
Всё!	
Глава 16	344
Глазами подростка	
Глава 17	362
Из тупика	
Глава 18	382
Дорога в жизнь	
Приложение	401
Игра на опережение	